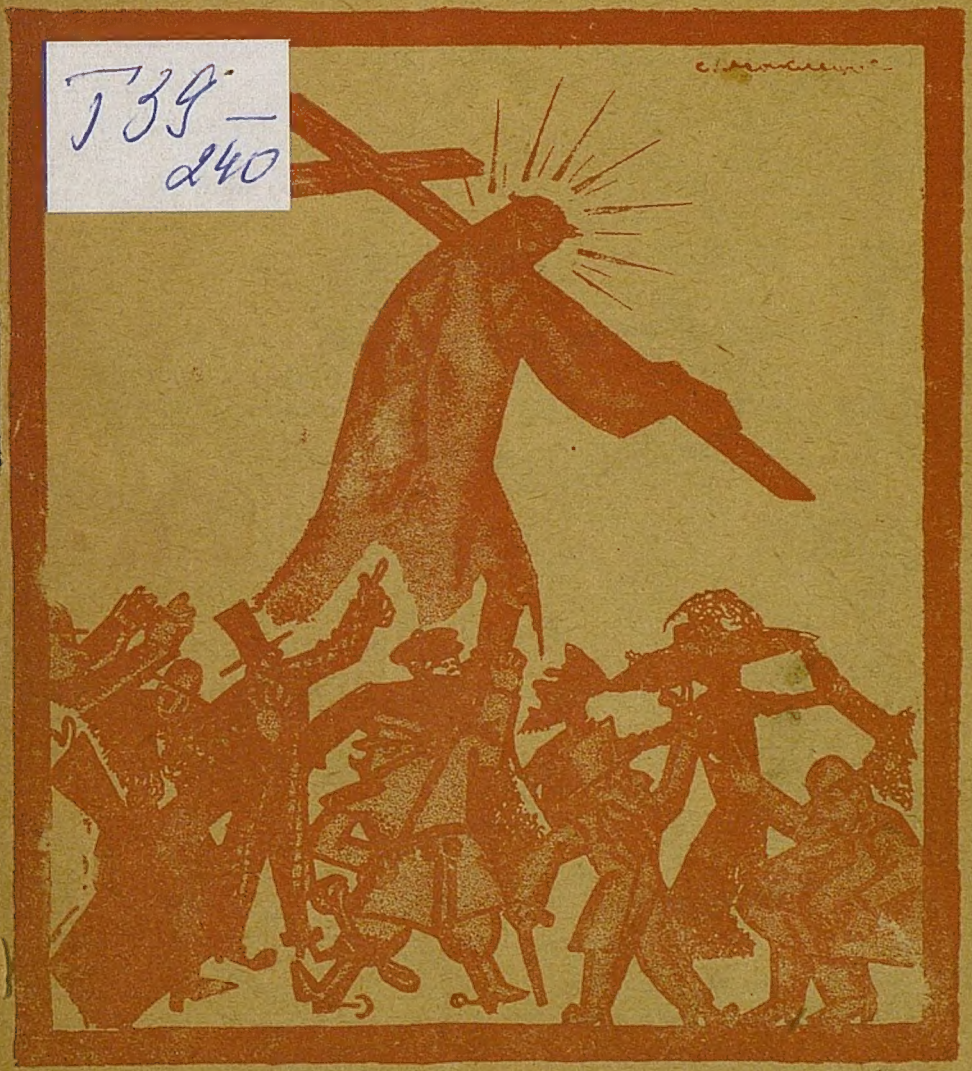
Т39—240

Цѣна — 25 к. На ст. ж. д. — 30 к.

ОНЪ СОЦІАЛИСТЪ

РАСПНИ ЕГО.

О. Л. Д'ОРЪ.



Т39—240

Т 39/240

Государств. публичная историч.ская библиотека РСФСР

1394509

Онъ соціалистъ.

Въ городѣ появился человѣкъ лѣтъ тридцати, невысокаго роста, съ длинными волосами, небольшой русой бородкой и со странными, «нездѣшними» глазами.

Пришелъ онъ къ банкирамъ, помѣщикамъ, фабрикантамъ, домовладѣльцамъ и др. и сказалъ имъ:

— Раздайте ваше имущество, откажитесь отъ своего богатства. Нельзя одному человѣку занимать столько мѣста на землѣ, чтобы другимъ негдѣ было жить.

— Истинно говорю вамъ: легче слону пройти черезъ игольное ушко, чѣмъ богатому войти въ царство небесное.

Сначала слушали страннаго человѣка съ удивленіемъ, потомъ съ возмущеніемъ и гнѣвомъ.

Кто-то изъ богатыхъ спросилъ:

— Кто этотъ человѣкъ?

И моментально изъ бульварной прессы выскочилъ юркій хроникеръ и услужливо сообщилъ:

— Я знаю его, это нищій. Онъ въ хлѣвѣ родился, въ ясляхъ.

— Нищій!—злорадно подхватили всѣ.— Самъ, значитъ, ничемъ не рискуетъ. Раздай, говоритъ, имущество. Ловко.

— Соціалистъ, вѣроятно.

— Конечно соціалистъ. Ихняя программа.

— Можетъ, еще большевикъ?

— Навѣрное. На нѣмецкія деньги работаетъ.

На слѣдующій день въ желтой прессѣ много писали о «соціалистѣ орудующемъ на нѣмецкія деньги».

Передовики пригвождали его къ кресту. Хроникеры плевали ему въ лицо. Фельетонисты хохотали, издѣваясь надъ нимъ.

На улицѣ шли митинги.

Человѣкъ съ длинными волосами и съ русой бородой подошелъ къ самому многолюдному изъ нихъ и сталъ слушать.

Говорилъ молодой человѣкъ съ портфелемъ подъ мышкой.

Мы должны воевать, а не думать о мирѣ. Мы должны сначала разбить врага, чтобы обезпечить миръ всѣмъ народамъ...

Онъ выслушалъ слова оратора и сказалъ:

— Братья! Вамъ говорятъ, что необходимо сначала убить нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, что бы потомъ не убивать

больше... А я говорю вамъ: ни «сначала», ни «потомъ» убивать нельзя.

— Вамъ говорятъ: «надо разбить врага», а я говорю вамъ: „любите врага своего“, ибо враговъ нѣтъ, а есть только братья, и убившій врага, убилъ брата своего.

Молодой человѣкъ съ портфелемъ подъ мышкой закричалъ:

— Товарищи это большевикъ!

Другой подхватилъ:

— Шпіонъ подосланный нѣмцами!

Вышелъ Левъ Дейчъ и заявилъ:

— Я его знаю. Онъ скрывается подъ псевдонимомъ „Назарянинъ“, „Богочеловѣкъ“ и т. д., но онъ еврей. Имя его Іешуа. Онъ изъ Палестины.

— Ага, еврей!

На слѣдующій день въ буржуазной прессѣ скорбили:

— Онъ накликаетъ бѣду на весь еврейскій народъ. Конечно, еврейскій народъ тутъ непричемъ, но когда будетъ погромъ...

И дѣлали видъ, что имъ еврейскій погромъ нежелателенъ...

Въ храмѣ шло богослуженіе. Онъ также вошелъ въ храмъ.

Когда богослуженіе кончилось, священникъ сказалъ слово своей паствѣ.

Онъ говорилъ о несчастіяхъ, постигшихъ родину, и взывалъ къ христолюбивому воинству:

— Дѣти мои возлюбленные! Рано еще мириться съ врагомъ. Сначала освободите родину. Возьмите пушки, ружья и пулеметы, ступайте на врага во имя Бога...

Вспомнилъ онъ про плеть, которую онъ, всепрощающій и кроткій, пустилъ однажды въ ходъ въ Іерусалимскомъ храмѣ, но сдержался...

— Лукавые фарисеи!—сказалъ онъ когда кончилъ священникъ:—Въ храмѣ моемъ вы извращаете слова мои призывая къ убійствамъ.

Кто-то закричалъ:

— Это возмутительно! Ужъ въ храмѣ Божіемъ нѣтъ отъ нихъ спасенія!

— Ступайте отъ сюда. Тутъ мѣсто свято.

— Много вамъ нѣмцы заплатили за это господинъ товарищъ?

А на слѣдующій день возмущеніе публики, прочитавшей о „неслыханномъ случаѣ“ въ храмѣ, было безъ границъ.

Въ „Листкахъ“ и „Газетах“ появились „разоблаченія“. Много вниманія удѣлили Его интимной жизни...

Упрекали въ близости къ Іудѣ и дѣлали изъ этого соотвѣтствующіе выводы...

О. Л. Д'Оръ.

Иваны Ивановичи.

Когда Иванъ Ивановичъ оставался одинъ со своей семьей, онъ тяжко вздыхалъ:

— Охъ ужъ эта война! Скорѣе бы кончили!

Жена Ивана Ивановича, простоявшая утромъ въ „молочномъ хвостѣ“ часа три (прислуга стояла въ „хлѣбномъ“ хвостѣ), поддерживала мужа:

— И чего они ждутъ? Кончили бы и баста!

Сынъ—гимназистъ восьмого класса при словѣ „война“ блѣднѣлъ. Черезъ недѣлю или двѣ онъ кончитъ гимназію. Его призовутъ...

— Какъ бы не забрали,—думалъ онъ.

И вслухъ заявилъ:

— Благоразумныхъ людей мало. Мальчишки какіе-то орудуютъ...

Когда сходились два Ивана Ивановича, они со злостью говорили:

— Ну, чего тамъ хорохориться? Повое вали и будетъ.

— Мало людей накромсали. Все равн ничего не выйдетъ...

Но стоило только собраться десяти Иванамъ Ивановичамъ, какъ картина мѣ нялась.

Всѣ Иваны Ивановичи, всѣ сразу, ста рались перекричать другъ друга, кричали

— Война до полной побѣды!

— Миръ только въ Берлинѣ!

— Миръ до разгрома Германіи!

Я наблюдалъ за Иванами Ивановичами на митингахъ.

По большей части Иваны Ивановичи пользовались «отсрочкой по банку», кото рый признанъ «работающимъ на оборону» „отсрочкой по союзу городовъ“ или „от срочкой по редакціи“.

Но на митингахъ Иваны Ивановичи громче всѣхъ кричали.

— Товарищи-солдаты, въ окопы!

— Товарищи-рабочіе, къ станкамъ!

Часто Иванъ Ивановичъ до того увле кался, что забывалъ, что онъ въ штат скомъ и горячо кричитъ:

— Товарищи! Мы—солдаты, находя щіеся на фронтѣ, лежимъ по двадцат четыре часа въ окопахъ, но мы не вый демъ изъ окоповъ, пока нѣмецкій мили таризмъ не будетъ сломленъ.

Когда въ толпѣ преобладали рабочіе, Иванъ Ивановичъ доказывалъ:

— Не время теперь требовать... Дадимъ обѣтъ, что пока врагъ не сломленъ, мы не выпустимъ изъ рукъ молотковъ и напильниковъ ни днемъ, ни ночью.

Когда говорили другіе и говорили не то, что, по мнѣнію Ивана Ивановича, надо, онъ тихонько подходилъ то къ одному, то къ другому и осторожненько бросалъ:

— Не провокаторъ ли этотъ господинъ?

— Кто? Про кого вы говорите?

— Да про этого самаго, что вотъ соловьемъ заливается. Не шпіонъ ли нѣмецкій?

Одному скажетъ, другому, третьему, и часто добивался того, что начинали кричать:

— Долой нѣмецкихъ агентовъ!

— Много Вильгельмъ ему отвалилъ?

Иванъ Ивановичъ знаетъ нужду знаетъ обиду. Часто не хватаетъ денегъ. Часто приходится гнуться въ три погибели передъ «старшимъ».

Но „пролетаріевъ“ Иванъ Ивановичъ не признаетъ. Съ затаенной гордостью онъ говоритъ:

— Вотъ нападаютъ на насъ „буржуевъ“...

И конечно, все „пролетарское“ ему чуждо.

На-дняхъ одинъ изъ такихъ „буржу-

евъ" меня до того заинтересовалъ, что я пошелъ его интервьюировать...

Это было на какомъ-то митингѣ.

Говорилъ одинъ изъ „страшныхъ", ужасно страшныхъ „Ленинцевъ". Въ залѣ всѣ слушали внимательно, но съ хоръ то и дѣло раздавалось:

— Значитъ, землю-то дѣлить? ловко!

— И фабрики дѣлить? Здорово!

— И банки для всѣхъ? Ну и комикъ!

Голосъ былъ одинъ и тотъ же. Я поднялъ глаза и увидѣлъ кричащаго.

Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, уже сѣдой. На немъ былъ потертый пиджакъ и не первой чистоты воротничекъ.

Я подошелъ къ нему во время перерыва и спросилъ:

— Вы крупный землевладѣлецъ?

„Буржуй" посмотрѣлъ на меня, потомъ на свои брючки съ оттопыренными колѣнками и сказалъ:

— Буду землевладѣльцемъ... Когда помру, три аршина получу.

— Вы фабрикантъ?

— Къ сожалѣнію, что бы чертъ побралъ всѣхъ фабрикантовъ въ мірѣ, я не фабрикантъ.

— Банкиръ?

— Дай богъ, чтобы всѣ банкиры стали такими богачами, какъ я...

— Почему же вы такъ боитесь дѣлежа земли, фабрикъ?..

Иванъ Ивановичъ сталъ вдругъ серьезенъ.

— У меня сейчасъ, — сказалъ онъ внушительно, — ничего нѣтъ, не везло. Но, вѣдь, можетъ повезти. Я куплю имѣніе или фабрику, и вдругъ...

Лицо Ивана Ивановича стало грознымъ и злымъ.

— И вдругъ,— почти закричалъ онъ,— какой-нибудь нищій придетъ и скажетъ, что-бы я ему отдалъ свое имѣніе или фабрику...

Оказалось, что Иванъ Ивановичъ мечтатель. Всѣ Иваны Нванович еще и мечтатели...

Трудно „менять строй". Трудно „дѣлать революцію".

Но „смѣнять строй" съ Иванами Ивановичами труднѣе труднаго.

Но „дѣлать революцію" съ Иванами Ивановичами почти невозможно.

О. Л. Д'Оръ

„Въ Петроградъ прибылъ“.

Часто въ газетахъ можно встрѣтить:

— „Прибывшій изъ Берлина нашъ соотечественникъ, адвокатъ Иксъ разсказываетъ...“

— „На-дняхъ прибылъ изъ Вѣны петроградецъ, врачъ Игрекъ По его словамъ...“

— „Изъ Констинополя прибылъ купецъ Зетъ. Его разсказъ...“

Послѣ такого начала слѣдуетъ разсказъ о томъ, что дѣлается въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Константинополѣ.

Вчера въ одной вечерней газетѣ я прочиталъ разсказъ „прибывшаго изъ Лодзи“. Я подумалъ:

„Вотъ молодчина! Онъ, этотъ безстрашный лодзинецъ, пробрался черезъ нѣмецкія войска. Можетъ быть по пути даже разбилъ одинъ или два нѣмецкихъ корпуса!.. Надо найти этого героя“.

Съ редакторомъ вечерней газеты я былъ знакомъ.

Не долго думая, я поѣхалъ въ редакцію и попросилъ доложить о себѣ редактору.

— Заглянули-таки, наконецъ,—сказалъ ласково редакторъ, пожимая мнѣ руку.— Чѣмъ я обязанъ?.. Садитесь.

Я приступилъ къ дѣлу.

— Вчера,—началъ я,—у васъ въ газетѣ былъ помѣщенъ разсказъ лодзинца...

— Да, да! Какіе ужасы онъ тутъ разсказываетъ. Прямо волосы дыбомъ встаютъ. Мы, слушая его, плакали...

— Я читалъ. Вотъ въ чемъ моя просьба; скажите мнѣ его адресъ.

— Адресъ?..

Редакторъ замялся.

— Видите ли,—сказалъ онъ, покраснѣвъ,—я лично его не видѣлъ... То-есть видѣлъ, но адреса его не знаю.

— А фамилію его знаете?

— И фамиліи не знаю. Какъ-то забылъ спросить...

— Не вы же съ нимъ бесѣдовали?

— Я? Я его и въ глаза не видалъ. Принесъ бесѣду нашъ интервьюеръ Федоровъ. Хотите, я его спрошу?

— Пожалуйста!

Редакторъ позвонилъ и приказалъ позвать Федорова.

Вошелъ молодой человѣкъ со стыдливо

зардѣвшимся носомъ. Редакторъ спросилъ его:

— Вы дали интервью съ „только что прибывшимъ изъ Лодзи"?

— Я, я. Можно сказать, случайно открылъ его. Прямо какое-то особое счастье...

— Дѣло не въ этомъ,—прервалъ его редакторъ,—а вотъ-что мнѣ нужно. Нашъ коллега...

Редакторъ указалъ на меня.

— Нашъ коллега хочетъ узнать адресъ этого лодзинца, Будьте добры, скажите...

Румянецъ постепенно оставилъ носъ Федорова и покрылъ его щеки.

— Дѣло, видите ли, въ томъ...

Федоровъ погладилъ волосы.

— Дѣло въ томъ, что я... что я этого лодзинца, такъ сказать, не видалъ...

— Вы вѣдь сказали, что были у него.

— Не то, чтобы былъ.., Почти былъ.

— Не понимаю. „Былъ", „почти былъ"... Что это значитъ?

— Я, дѣйствительно, не былъ... Былъ и бесѣдовалъ съ „только что прибывшимъ изъ Лодзи" Сергѣевъ. А такъ какъ Сергѣеву я вѣрю, какъ самому себѣ, то и, выходитъ такъ, какъ будто я самъ и былъ у лодзинца.

— Такъ Сергѣевъ знаетъ, гдѣ лодзинецъ обрѣтается?

— Конечно! Сергѣевъ не такой человѣкъ, чтобы изъ пальца высасывать. Сергѣевъ серьезный газетный работникъ.

— А гдѣ можно видѣть Сергѣева?

— Онъ тутъ, за угломъ, въ кофейнѣ. Тамъ, въ кофейнѣ, его штабъ-квартира. Хотите, я его сейчасъ вызову.

Минутъ черезъ двадцать явился Сергѣевъ.

— Вы бесѣдовали съ „только что прибывшимъ изъ Лодзи“?

Сергѣевъ страшно удивился.

— Съ кѣмъ, изволили сказать?

— Съ „только что прибывшимъ изъ Лодзи“. Вчера было напечатано.

— Ахъ, съ этимъ... Нѣтъ, я его не видалъ... Мнѣ разсказывалъ про него Алексѣевъ. Кажется, этотъ лодзинецъ снялъ у Алексѣева комнату.

— А адресъ Алексѣева знаете?

— Какъ же не знать! Отлично знаю.

— Можете со мной поѣхать къ нему?

— Съ удовольствіемъ.

Мы поѣхали. Жилъ Алексѣевъ на Петроградской Сторонѣ. Ѣхать пришлось долго-долго.

— Извозчикъ, вотъ здѣсь, у воротъ!— наконецъ, послышался голосъ Сергѣева.

Мы стали подниматься по безконечной лѣстницѣ.

Наконецъ, на одной изъ дверей мы увидѣли карточку, на которой было напечатано: „Александръ Ивановичъ Алексѣевъ. Литераторъ. Принимаетъ отъ трехъ до пяти...“

Мы позвонили.

— Дома Александръ Ивановичъ?—спросили мы открывшую намъ дверь прислугу.

— Дома.

— Везетъ намъ!—замѣтилъ Сергѣевъ.—Сашка почти никогда не бываетъ дома.

Вскорѣ мы увидѣли самаго Алексѣева. Сергѣевъ познакомилъ насъ и сказалъ:

— Нашъ коллега хочетъ познакомиться съ „только что прибывшимъ изъ Лодзи". Вѣдь ты съ нимъ бесѣдовалъ?

— Я, я. Какіе ужасы разсказываетъ...

— Можно съ нимъ познакомиться?

— Отчего же нельзя! Только вечеромъ. Онъ днемъ въ лавкѣ.

— Въ какой лавкѣ?

— Въ своей. Онъ здѣсь табачную лавку имѣетъ. По вечерамъ только и приходитъ домой.

— Но вѣдь онъ „только что прибылъ изъ Лодзи"?

Алексѣевъ улыбнулся.

— Это,—сказалъ онъ,—слегка преувеличено. Онъ изъ Лодзи второй годъ... Только я на-дняхъ у него поселился, комнату снялъ... Грѣшно было не использовать...

Читатель! Если въ вечернихъ газетахъ вы прочтете разсказъ „только что прибывшаго изъ Вѣны", „только что прибывшаго изъ Берлина", „только что прибывшаго изъ Лодзи" и т. д. можете смѣло

отправиться въ редакцію, вызвать редактора и...

Впрочемъ, редакторъ только вытретъ глаза и скажетъ:

— Это Божья роса...

О. Л. Д'Оръ.

Издательство „ГИЛЬОТИНА“.

Сатирико-Юмористическ. Библіотека.

50
2596(66)

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

1) Онъ Соціалистъ . . . . . 25 к.

2) Загадочное убійство . . . 25 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

Консисторская улица, д. 5, кв. 25.

Телефонъ 215-92.